

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.9.9536

ДЕМАГОГ: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ

Аннотация. В истории политической мысли слово «демагог» было весьма расхожим. Однако за последние десятилетия оно оказалось забытым. Для характеристики негативной деятельности лидера, политика стали использовать другие понятия — «манипулятор», «популист». Проследившая историю данного феномена, автор показывает, что это слово приобретало различные оттенки и смыслы. Оно пришло к нам из античной Греции и претерпело радикальное смысловое преобразование. Изначально оно не имело негативного оценочного смысла. Когда, к примеру, Аристотель хотел обозначить свое отношение к вождю, властителю, способному позвать за собой народ, используя такие средства, как речь, поступки или подарки, то он называл его демагогом. Демагоги действительно выражали интересы народа, стояли на страже его интересов. В античные времена прекрасно знали, что такое тиранья. Защищать людей от произвола, правильно обозначать их собственные проблемы — вот к чему стремились демагоги. Автор пытается также сопоставить понятие «социальная демагогия с популизмом, пропагандой».

Ключевые слова: философия, социальная демагогия, народ, политика, вождь, правитель, власть, популизм, пропаганда, манипуляция.

В Афинах демагоги пользовались массовым успехом, поскольку владели не только красноречием, но обладали также и государственным умом. В результате они нередко оказывались вождями, лидерами, правителями. Перикл и Фемистокл, к примеру, имели знатное происхождение и были яркими демагогами в Афинах. Чуть позже, как я понимаю, власть стала усыновлять это искусство, которое сводилось к тому, чтобы помогать народу. Слово «демагогия» все еще не имело негативно-протестного смысла. Оно в те времена ласкало слух. Ведь демагогами называли тех, кто взял на себя тяжелые и ответственные обязанности — руководить народом. Сегодня мы назвали бы такого управленца «менеджером», но такого слова в античной Греции не было.

Но было слово «master». Однако оно различалось от понятия демагогии. Мастер вел поиски, искал пути решения проблем. Но он скорее был теоретиком, а не практиком. Знал, как руководить, но не умел применить свое искусство в реальных общественных процессах. К людям, которые могли, как Одиссей в древнем эпосе, вести за собой людей, скорее относилось слово «кибернетика», то есть «искусство кораблевождения». Итак, это было время поиска лидера.

О назначении демагогии можно судить по этимологии слова. «Demagogia» — это «руководство народом» («demos» — народ, «ago» — «веду»). Древнегреческая демократия стремилась объяснить людям, ради чего принято то или иное решение власти. А это требовало не только знаний, но и ораторских навыков. Известно, что в античном образовании на первом месте стояла риторика. Сначала научись убеждать людей, воздействовать на них. Потом освой конкретную область знаний. Но без риторического мастерства ты — никто.

Если говорить о предназначении риторики, то, естественно, возник вопрос: не станет ли демагог уклоняться от истины, использовать ораторские приемы во зло, а не во благо. И этот политический вопрос был поднят на философскую высоту. Каково предназначение риторики — она обязана служить истине или, наоборот, обслуживать политические цели? Уже Платон, критикуя софистов, отмечал, что их убежденность в том, будто истина недостижима, таит в себе опасные последствия. Он предостерегал софистов от спешной оценки того или иного решения как истинного на основании интересов текущего момента, сегодня мы сказали бы — политической конъюнктуры.

Однако, пока это только предостережение. Тем более, что римский философ Цицерон утверждал, что путь к истине сложен, чреват мнимостями, но

истина все-таки существует. Поэтому задача софистов, демагогов в том, чтобы украсить правду, придать ей изящество и выразительность. Римские мыслители еще не разглядели той опасности, которая несла политическая практика. На деле массы верили тому, кто оказывался более речистым. Однако тираны уже начинали осознавать, что во многих случаях можно вообще обойтись без демагогии.

Известный немецкий философ Иоганн Гердер писал: «Взгляни на деспотов Азии, Африки, да почти всего земного шара, взгляни, какие чудовища восседают на римском троне, — под их ярмом долгие века стонал мир, — перечти смутные времена, войны, гонения, яростные бунты и посмотри — каков конец. Брут падает, и торжествует Антоний; гибнет Германик и царят Тиберий, Калигула, Нерон; Аристид отправляется в изгнание, скитается по свету Конфуций, гибнут Сократ, Фокион, Сенека». Античное народовластие оказалось ущербным. Как говорится, всему свое время. Это и отмечает, кстати, Гердер: «Если бы породившее Перикла и Сократа время продлилось одно лишнее мгновение по сравнению с длительностью, что определена цепочкой обстоятельств, то это было бы несчастьем, и нужно сказать, что наступил бы опасный, невыносимый для Афин период истории»¹. Да, действительно, пора афинских Демосфенов минула.

К тому же сама афинская демократия постепенно превращалась в охлократию. В конце V в. в числе политических лидеров оказывались такие, которые не обладали достаточными знаниями и нравственными качествами. Свое дарование они использовали в корыстных целях. Можно даже, я думаю, назвать некоторые имена. Скажем, владелец ламповой мастерской Гипербол или хозяин кожаной мастерской Клеон. Ни ум, ни знатный род, ни особое красноречие не были им свойственны. Но они могли увлечь слушателей лицемерными речами, круглыми предложениями. Демагоги научились использовать инстинкты огромных скоплений людей. Но при этом обнаруживали алчность и политическую безответственность. Так слово «демагог» приобрело негативный смысл.

После утверждения христианства возникла, мне кажется другая альтернатива в понимании истины и красноречия. С одной стороны, христианские проповедники утверждали, что божественная

истина сама по себе не нуждается в узорах ораторского искусства. Она абсолютна. Истина должна предстать перед верующими в самом первозданном виде, без украшений. Так, к примеру, следует воспринимать риторики Откровения. Но, с другой стороны, осознается, что простые люди не сразу могут принять христианские ценности. Нужны канонизированные риторические правила. Так, демагогия заявляет о значении норм, методов, установлений.

На мой взгляд, в эстетике Нового времени, которая признает позитивное и негативное отношение к истине, искусство политического внушения празднует свой последний теоретический триумф. Возникает примечательная инверсия. Не истина определяет нужные ораторские краски. Наоборот, сам арсенал риторики, слова, стиль, красочность начинают уже выступать как критерии истины. Если сказано метко и впечатляюще, значит это истина. Происходит отождествление истины и искусства. Можно было бы переиначить известные слова из тургеневского романа: «об одном прошу тебя, друг Аркадий, говори красиво...»

Социальная демагогия к тому же обретает дополнительное слово — пропаганда.

Борясь против Реформации, духовенство стало активно искать средства, которые помогли бы помешать расколу прежде единого мировоззрения. В 1622 г. Ватикан создал специальную организацию, призванную «удержать веру» и сохранить церковь. Конгрегация распространения веры — *Congregatio de propaganda fide* — стремилась укрепить католицизм во всех странах; именно она ввела в обиход слово «пропаганда» которое как понятие появилось, таким образом, в 1622 г. и первоначально означало распространение идей и догматов церкви. Слово «пропаганда» уже в то время открыто связывалось с конкретными идеологическими ориентациями феодалов и духовенства. Свою реакционную деятельность Конгрегация маскировала абстрактно-гуманистическими призывами «совершенствования человека». Эту идеологическую фразеологию К. Маркс иронически назвал «человеколюбивым промыслом». Он говорил о своего рода монополии на «улучшение человеческого рода», которая с 1640 г. целиком принадлежала Конгрегации.

Социальная демагогия — это не просто перечень обманых приемов. Она погружает нас в область философии, философского постижения человека. Прежде чем нагрузить слово «демагогия» положительным или отрицательным смыслом,

¹ Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества. М.: СПб, 2013. С. 453.

надо осветить вопрос о том, что представляет собой вообще человек как особый род сущего. Если человек — существо разумное, наделенное всеми достоинствами, приписанными ему Богом, то между истиной и риторикой не может быть расхождения. Иное дело, если человек — существо бедное, то без искусства кажимости не обойтись. Людям нужны подпорки. Не грех и уклониться от истины, если это поможет обществу и пойдет на пользу самим гражданам, не способным ориентироваться в сложных социальных распрях.

То, что Платон поставил в вину софистам, стало получать санкцию признания. Человек — существо ущербное. Все его силы, ресурсы направлены на выживание. А тут уж не до истины. Да и вообще непонятно, способен ли человек адаптироваться к риторическому искусству? Посильно ли для него разобраться в красноречии? Так демагогия обрела иные смыслы. Техника речи — это не напряжение мысли. Она предлагает определенные правила поведения, вносит ориентиры для понимания существа событий. Она попросту устанавливает некие знаки, вешки. Но они могут быть приняты без рассуждений или отвергнуты как несостоятельные.

Софисты выступали в форме монолога: они растолковывали истину, а народ слушал. Платон призывал к диалогу. Он считал, что нужно постоянно учитывать мнение простых людей, знать их реальные запросы. Но разница между Платоном и софистами стала стираться. В любом случае особую ценность приобретает ораторское слово, призыв, лозунг. Риторика всего лишь орган упорядочивания, а не средство обнаружения истины. Ницше даже, как известно, толковал критику софистики со стороны Платона как выражение зависти со стороны античного философа. Риторы были столь популярны, столь успешны. Принудить силой огромные массы людей, располагавших статусом свободных граждан, к непопулярному действию было сложно. Но античная жизнь и склонилась к «рукоприкладству», то есть к навыкам прямого физического воздействия на людей. Такой способ организации общественной жизни по праву назывался деспотизмом.

Вот мы прослеживаем историю демагогии. Но имеет ли все это практическую ценность? Зачем, к примеру, современному политику знать, чем софисты отличались от Платона. Ведь демагогия, оболъщение народа предполагает лукавство, социальный обман. Что может дать нам сегодня философский аспект проблемы? В IV в. до н.э.

сама риторика отказалась от философских оснований. Афинский оратор Исократ стал называть философией собственную софистику. Лишь короткий этап демагогии связан с государственным красноречием. В основном софисты блистали в судах.

Можно ли врать своему народу? Допустима ли ложь как средство достижения прагматического успеха? Эти вопросы как раз и актуализируют тему. Сначала демагоги защищали интересы народа. Но потом возникло разочарование в людях. Разве они способны обуздывать свои страсти, блюсти национальные интересы? И опять рождается неизменный вопрос — что можно сказать о человеке вообще? Каков он по определению — разумен или неразумен, совестлив или гнусен, альтруист или эгоист? Нам и сегодня интересно, что думает современный властитель о людях, судьбами которых он распоряжается? Вспомним Никколо Макиавелли. Парадоксально, что его размышления продиктованы вовсе не анализом риторики как таковой. Его занимают другие вопросы. Можно ли довериться разумности людей, их жизненному опыту, их трезвости? А с другой стороны, где тот предел, за которым рискованно обманывать народ? Или этого предела нет?...

Макиавелли одним из первых в эпоху перехода к новой эпохе европейской истории разработал прочную универсалию «человеческой природы». Его трактовка человека достаточно трезва и мрачна. Он писал о том, что о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность, влечет нажива. Имя Никколо Макиавелли вот уже шесть веков вызывает у многих людей чувство неприязни и осуждения.

Вообще в мещанском сознании, а также в морализирующем политическом сознании это имя воспринимается почти как символ лицемерия и самого гнусного вероломства. Католическая церковь и православная церковь видят в Макиавелли чуть ли не антихриста. Монархи всех стран, включая и российских царей, поносили его за республиканизм. Республиканцы обвиняли в воспевании абсолютизма. Жестокие правители навешивали ярлык заговорщика и смутьяна, а либералы осуждали за приспособленчество и готовность служить кому угодно, лишь бы поближе находиться к кормилу политической власти.

Макиавелли, судя по всему, политический прагматик. Обосновывая роль государства, Макиавелли утверждал, что правитель не может

обеспечить власть и порядок, если он будет честно вести политическую игру. Чтобы удержать власть, государь обязан подавить человеческий эгоизм во имя всеобщего блага и порядка. Такое подавление требует от политиков не только применения грубой силы, но и изворотливости ума, хитрости и даже вероломства в борьбе за власть и ее упрочение.

Все знают, книга Н. Макиавелли «Государь» принесла автору огромную славу. Эта книга — трактат, включающий в себя анализ политических ситуаций, как описанных античными авторами, так и современных Макиавелли. Автор излагает собственные поучения, которые позволяют, как он думает, политику добиться успеха. Порой эти наставления глубоко циничны. Широко известны слова автор «Государя» о том, что мудрый правитель государства обязан «по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла». Главная мысль Макиавелли: *цель оправдывает средства*. Правитель должен сочетать в своей личности и в своих действиях качества льва, способного расправиться с любым из врагов, и лисицы, способной провести самого изощренного мудреца.

Такое политическое вероломство давно получило наименование макиавеллизма. Насколько справедлив осудительный взгляд на него? Дело в том, что Макиавелли пытался постичь новое качество политики. Он рассматривал ее с реалистических позиций. Правда эксперта оказалась горькой. Но разве в этом виноват сам автор? Макиавелли уклонился от морализирования, а это было модой в средневековом религиозном сознании. Он вовсе не оправдывал насильственные и безнравственные действия политика, тем более универсально, на все времена. Макиавелли видел суть государства в «общем благе». При этом речь у него шла не только о зажиточных гражданах. Он учитывал и интересы масс, народа. Более того, он пришел к выводу, что «народ» часто оказывается мудрее и надежнее главы государства.

Пафос книги Макиавелли в том, чтобы научить политика быть искусным. Ему надлежит проявлять гибкость, постоянно соотноситься с переменами в жизни. Да, государю следует прибегать и к жестокости. Но она бывает разной. Прав только тот государь, который использует эту жестокость в интересах государства, да и то один раз, когда она соответствует государственным интересам. Насилие, по Макиавелли, призвано исправлять, а не разрушать. Запомним эту заповедь, оно, возможно, еще пригодится нам.

Однако, понятие «политический макиавеллизм» бытует среди политиков и до сих пор. Ведь речь идет об использовании любых, в том числе аморальных средств (лжи, клеветы, жестокости, обмана) для достижения политических целей. В том же «Государе» Макиавелли обосновал законность отступления от нравственных законов для достижения великих политических целей, отбрасывая христианскую мораль, чтобы она не мешала политике. В арсенал возможных, с точки зрения Макиавелли средств могут входить «хорошо применяемые жестокости», способность политика «быть великим притворщиком и лицемером», побеждать врагов «силой и обманом», умение правителя внушать подданным «любовь и страх», заставлять «народ верить силой в то, что не отвечает его убеждениям». Макиавелли писал: «Родину надо защищать средствами славными и позорными, лишь бы защищать ее хорошо». Эти рецепты завораживают политиков. Социальная демагогия в наши дни стала особенно циничной. Она буквально расплодилось, стала нормой политической жизни.

Успех правителя — демагога нередко в европейской истории оборачивался последующим крахом. Властитель заботится о злобе дня, он не в состоянии предвидеть дальное действие своих ораторских побед. Между тем в Новое время эта тема вообще получила новую разработку. Философы выступали против демагогии. Томас Гоббс, к примеру, предлагал заменить риторику «ясным и элегантным выражением мыслей и понятий». Он даже пытался ввести в политический обиход выражение «правильный рассудок». Это что-то вроде «критического разума» Канта. Но кто может определить, какой рассудок правильный, а какой не вполне? А может быть, демагог уходит от ответственности, опираясь на обычный рассудок, который не обладает этим свойством правильности.

Но Гоббс уже отчетливо видит, какую пагубу несет искусство политического красноречия. Он пытается противопоставить властителю народную смекалку, трезвость, близость к жизненным подробностям. Английский философ выступал против демократии именно потому, что этот политический режим потворствует не здравому рассудку, а порывам души. Ораторы обычно ориентируются не на природу вещей, а на пристрастия своих слушателей. Теория государства Т. Гоббса направлена на самосохранение государства. Это вполне очевидный рациональный мотив. Но такой договор

между властью и народом может быть нарушен, если на историческую арену выходит оратор, демагог. Гоббс патологически ненавидит риторику. Он вчиняет ей возбуждение страстей с помощью удачных метафор. Гоббс настолько уверен в этом, что даже называет эту связь самой собой разумеющуюся. Метафора враждебна понятию. Она не опирается на инструментарий разума. И в этом случае открывается простор для манипулирования общественными представлениями.

Гоббс пытается обосновать красноречие особого рода. Оно обычно воздерживается от метафор и образов и рассматривает вещи сами по себе. Английский философ не учитывает, что понятие тоже представляет собой искусственное образование. Он всячески оберегает абсолютистское государство. Гоббс, очевидно, не заметил противоречия между своей органической метафорой и искусственным появлением «государственного индивида». Запрет на риторику абсурден. Этот запрет можно также рассматривать как риторический акт. Так антириторика становится одним из важнейших риторических средств. Но при этом она претендует на реалистическую строгость, которая якобы единственно соответствует серьезности положения человека здесь. Лозунг дня — меньше слов, больше дела...

Список литературы:

1. Вебер Альфред. Избранное: Кризис европейской культуры. М., 2012.
2. Гердер Иоганн Готфрид. Идеи к философии истории человечества. М.; СПб, 2013.
3. Гуревич П.С. Политическая психология. М., 2013.
4. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. М., 2000.

References (transliteration):

1. Veber Al'fred. Izbrannoe: Krizis evropeyskoy kul'tury. M., 2012.
2. Gerder Iogann Gotfrid. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M.; SPb, 2013.
3. Gurevich P.S. Politicheskaya psihologiya. M., 2013.
4. Danilenko V.I. Sovremennyy politologicheskii slovar'. M., 2000.

В XIX в. на историческую арену выходят массы. Это усложняет социальную демагогию. Она обретает новые оттенки и звучания. В политическую практику сходит понятие «популизм». Но вот что парадоксально — социальная демагогия возвращает некогда присущий ей положительный смысл. Популистами называли себя представители мелкобуржуазной фермерской партии, которая была создана в 1891 г. в Америки. Они добивались социальных реформ, в частности, требовали передать государству железные дороги и телеграф, ввести подоходный налог, ограничить земельную собственность. В политической философии популизм характеризует своеобразную форму взаимоотношений общества и власти. Он обязывает властителей аргументировать свое законотворчество, ссылаясь на голос народа. Это, по сути, возрождение римского права *vox populi*. Однако и в этом случае политики-популисты не удержались на идее народовластия. Они стали собственные интересы прикрывать социально привлекательными идеями.

В наши дни социальным демагогом называют властителя, который манипулирует общественным мнением, используя незнание, чувства и предубеждения людей. Цель — завоевать и утвердить политическую власть и господство.